

УДК 32.001

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ЭПОХУ ПОСТКОММУНИЗМА: ПРАКТИКИ НАЦИОНАЛИЗМА И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ НАУЧНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

А.Г. Большаков

Аннотация

В статье рассматриваются причины популярности национализма в посткоммунистических странах. Этнические вооруженные конфликты являются производной резкого всплеска этнического национализма в странах Центральной и Восточной Европы. Гражданский национализм трактуется как положительный феномен, но он характерен преимущественно для «старых демократий» Европы и лишь в малой степени проявляется в посткоммунистических государствах. В центре внимания автора статьи находятся «замороженные конфликты» в странах Центральной и Восточной Европы и связанная с этим проблема непризнанных государственных образований. В статье рассмотрены основные подходы, стратегии и модели теоретического осмысления этнических конфликтов и национализма в современной политической науке.

Распад постсоветского пространства и расширение региона Центральной и Восточной Европы

Современные процессы диверсификации постсоветского пространства по своей значимости не уступают периоду «бархатных» революций в Европе и крушению коммунистической идеологии. США, расширяющийся Европейский Союз, Турция пытаются играть активную роль на постсоветском пространстве. В результате все страны Балтии уже стали членами Европейского Союза. Азербайджан и Грузия ориентированы на стратегические партнерство с Европейским Союзом и США, готовятся к вступлению в НАТО. Европейскую интеграцию активно поддерживают Молдавия и Украина. Впечатляющих экономических успехов добивается Казахстан, который приоритетами своей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности считает партнерские отношения с США, Китаем и Российской Федерацией. Основным союзником России на Южном Кавказе – Армения (член ОДКБ) – в рамках своего многовекторного внешнеполитического курса ориентируется часто на позиции США, НАТО и Европейского Союза (куда Армения намерена вступить через несколько лет).

Недальновидной выглядит современная внешняя политика России на быстро изменяющемся постсоветском пространстве, где страна за последние несколько лет потеряла многих союзников (этот процесс постоянно продолжается – чего стоит только недавний конфликт с Белоруссией!) и уступила большинство позиций зарубежным странам. Россия стала играть второстепенную роль в делах Южного Кавказа, постепенно оттесняется от туркменского газа

Китаем, поставляя в КНР (второй по мощности экономике мира) свои собственные энергоносители по бросовым ценам. Она постоянно инициирует конфликты с бывшими постсоветскими странами, в которых после бравой риторики исключительно внутреннего потребления, как правило, проигрывает (так, грузинское руководство смогло заставить Россию убрать военные базы со своей территории, свести к минимуму российское влияние в Аджарии, перехватить инициативу в урегулировании «замороженных конфликтов» с Абхазией и Южной Осетией). Россия до сих пор пытается играть роль «собирателя земель», но время, когда это могло действительно случиться, уже безнадежно упущено. Поэтому в орбите Российской Федерации осталось несколько постсоветских государств с авторитарными или переходными режимами разного типа (Белоруссия, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, отчасти Армения и Казахстан). Но и с этими государствами Россия иногда испытывает сложности экономического и политического порядка в двусторонних отношениях, прежде всего из-за процессов «советизации», «огосударствления», «имперских рецидивов» в политике российской правящей элиты в последние годы.

В связи с геополитическими изменениями последних десятилетий и расширением Европейского Союза многие бывшие социалистические государства позиционируют себя как «центральноевропейские страны». Это относится к Чехии, Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии и др. На европейский статус претендуют Белоруссия, Молдавия и Украина, государства Южного Кавказа [1, с. 136–144] (прежде всего Армения, Грузия и отчасти Азербайджан). Принятие Турции в Европейский Союз, как известно, было отложено, но и эта страна иногда позиционируется как «европейская периферия». Россия является по своей сути евразийской страной и поддерживает стратегическое партнерство с Европой. Такие страны, как Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, находятся в непосредственной близости с европейской периферией, но входят в состав уже совсем другого региона – Центральной Азии, который не является предметом анализа данной статьи.

Следовательно, на современном этапе можно говорить о расширяющемся регионе Центрально-Восточной Европы, который представляет собой динамично развивающуюся совокупность стран, очень разных по своему экономическому потенциалу, населению и территории, наличию сырья и полезных ископаемых, регион, имеющий весь возможный набор политических режимов: плюралистических, переходных, авторитарных. Не вызывает сомнения лишь факт того, что почти все эти страны испытывают на себе в течение последних десятилетий влияние этнического национализма.

Две волны этнического национализма в странах Центральной и Восточной Европы

Кризис, а затем и крах коммунистической системы в Советском Союзе стали причиной распада сверхдержавы и образования ряда новых независимых государств. По мнению многих исследователей, идеологический вакуум, который возник после крушения СССР и его европейских сателлитов, был заполнен в основном национализмом. Речь идет именно об этническом национализме, так как гражданский национализм (часто позитивный по своей сути) является

практикой преимущественно «старых демократий». Этнический национализм доминировал в странах Центральной и Восточной Европы, в процессе создания и воспроизводства национальных элит, строительства новой государственности, решения межгосударственных споров.

Действительно, претензии на собственную государственность некоторых этнических групп не подкреплены исторически, часть новых независимых государств – это конгломерат этнических групп, каждая из которых претендует на власть или полную независимость. При этом этнические элиты очень часто не являются единым образованием и представляют собой совокупность борющихся между собой за власть кланов.

Национализм – это идеология, основанная на убеждении, что народ, обладающий общими свойствами, такими как язык, религия или этничность, составляет особую политическую общность [2, с. 282]. Националисты стремятся сохранить своеобразие, чтобы защитить те блага, которые являются результатом национальной идентичности и принадлежности к нации. Национализм отождествляет политическую легитимность государства с самоуправлением нации. Он возводит принадлежность к своей нации в политический принцип или программу, тем самым имея иное измерение, чем патриотизм, который подразумевает чувство привязанности к своей стране или нации, не связанное с какой-либо программой политических действий. Большинство националистов руководствуются программой, предназначенной для своей нации, практически никогда не задумываясь о значении других национальностей.

Этнический национализм провозглашает доминирование в обществе и политической системе определенной этнической группы над другими, исходя из факта существования данной группы. Гражданский национализм исходит из международно-правового толкования нации как согражданства людей, проживающих на определенной территории. Именно конкретное сообщество граждан является доминирующим по отношению к другим сообществам. Гражданский национализм, как правило, характерен для консолидированных демократий, этнический национализм – для авторитарных и переходных режимов, новых демократий.

Позиции этнического национализма настолько сильны в современном мире, что они опровергают теорию демократического транзита, которая постепенно уходит в небытие. Популярны ныне концепты «качества демократии», «нового транснационализма», «моральной экономики», с помощью которых обычно описывают трансформации стран Центральной и Восточной Европы.

Этнический национализм являлся одной из существенных причин, порождающих конфликты на постсоветском пространстве. При полном крахе идеологии интернационализма в условиях отсутствия гражданского общества, социальной маргинализации и распада государства в массовом сознании понятия «национальность», «этнос» отождествлялись с понятиями «нация» и «государство». Имущественные права и социальные гарантии увязывались лишь с принадлежностью индивида к некоей этнической общности, которая якобы только и может обеспечить эти гарантии, будучи субъектом всех видов права. Одновременно с приматом гражданских прав провозглашался примат права этнических общностей.

Отметим, что проявлений этнического национализма не могут избежать даже многие «старые демократии» (Франция, Великобритания), серьезные этнические проблемы существуют в Испании и т. п., хотя в этих странах гражданский национализм все же приоритетен.

Посткоммунистический период развития стран Центральной и Восточной Европы, на мой взгляд, включает две волны этнического национализма. Первая волна национализма может быть датирована 1990–1999 годами. Именно в это время происходит становление целого ряда новых государств (Р. Саква в своем исследовании пишет, что «из 28 посткоммунистических стран Восточной Европы 22 – новые государства») [3, с. 121], значительные трансформации политических режимов существующих стран. Основой этих процессов и выступал этнический национализм, который, с одной стороны, способствовал демократизации стран региона, с другой стороны, привел к многочисленным этническим вооруженным конфликтам, большая часть из которых носила насильственный характер. В 1999 году в странах Центральной и Восточной Европы были закончены практически все этнические вооруженные конфликты и гражданские войны хотя бы в форме их «замораживания», вывода из вооруженной стадии; исключение на тот момент представлял, пожалуй, лишь вооруженный конфликт в Чечне.

События 2006 года и начала 2007 года свидетельствуют о начале второй волны национализма в странах Центральной и Восточной Европы. В этой связи можно вспомнить митинги протеста, перерастающие в массовые беспорядки, против действий «правительства глобализаторов», европейской интеграции в Венгрии и Польше; принятие новой Конституции Сербии, где она провозглашается «государством сербов и всех граждан, проживающих на ее территории»; формальную победу на выборах в этой стране националистов и усиление их роли в политическом процессе; вторичную суверенизацию или приобретение самостоятельности Черногорией; активизацию деятельности националистических организаций сетевого толка в России; претензии Албании и Румынии на ряд территорий соседних государств; новые проявления политики «этнической демократии» в Латвии и Эстонии; протесты косовских националистов по поводу «неполной независимости Косово» и т. п. По всей видимости, вторая волна этнического национализма не будет столь разрушительной по своим последствиям, как первая, но она приведет и уже приводит к значительным изменениям в регионе Центральной и Восточной Европы, к еще одной перекройке границ, к значительной трансформации политических режимов некоторых стран.

На мой взгляд, вторая волна национализма в странах Центральной и Восточной Европы объясняется наличием все тех же причин, что и первая: маргинализацией части населения, неудачами экономических реформ, неэффективностью некоторых демократических процедур, историческими традициями, объективностью существования этнических интересов и сложностью их реализации на практике. Необходимо обратить внимание и на фактор «протяженности» этнических процессов во времени. Например, апелляция к факту оккупации стран Балтии Советским Союзом постоянно эксплуатируется и имеет определенный эффект в современной политике этих стран (именно этим объясняется борьба с советскими памятниками, которая велась эстонскими парламентариями в канун очередной избирательной кампании).

Дискурс научного осмысления этнических конфликтов

Согласно существующей теории, конфликт считается в целом позитивным явлением, в определенных условиях его необходимо даже инициировать. Однако этнический конфликт, ведущий к человеческим жертвам, вооруженным столкновениям, захвату территорий, появлению беженцев, вряд ли может быть признан функциональным для какого-либо общества или политической системы. Другое дело, если этнические протесты находятся в институциональных рамках, тогда подобного рода конфликты могут привести к позитивным результатам для общества, например расширению свобод.

К этническим конфликтам, относятся не любые экономические, культурные или социальные трения между различными этническими группами, а только те, которые происходят под влиянием этнического национализма и возглавляются его политическими антрепренерами. Для таких конфликтов характерна трехступенчатость: на первой стадии этнический национализм перерастает в политическое соревнование, на второй – усиление борьбы за влияние и власть порождает вспышки этнического насилия, которые на третьей стадии выливаются в открытое противостояние или даже гражданскую войну [4, с. 127].

Если этнический конфликт выливается в гражданскую войну, то остановить ее бывает гораздо сложнее, чем войны между государствами, когда можно использовать механизм мирового баланса сил, посредников, усилия международной дипломатии и т. п. Кроме того, эскалация гражданской войны, как правило, приводит к смене лидеров этнической группы и формированию новой политической военной элиты, которая не собирается терять власть, престиж и деньги, наживаемые на войне. Усиление в народе страха и ненависти к противнику поддерживает убеждение, что на переговоры идти не следует. Все это доказывает, что гораздо легче предотвратить этнические вооруженные конфликты, чем пытаться их сдерживать или урегулировать.

Современные исследователи конфликтов приходят к одному общему выводу – война на современном этапе развития общества изменилась по отношению к своим историческим аналогам: это уже прерогатива не великих держав, а малых и средних государств; это военные действия не между государствами, а в пределах государства; это явление, которое не отличается четкими сражениями и границами.

Конфликты в Европе после падения коммунизма вызвали многочисленные теоретические отклики ученых. Наиболее известной является модель столкновения цивилизаций С. Хантингтона [5]. Конфликты цивилизаций предупреждают мировую войну, тем самым подтверждая тезис Л. Козера, о том, что множественность конфликтов оберегает общество от раскола. Войны по линиям разлома являются периодическими, они то вспыхивают, то затухают, а конфликты по линиям разломов являются нескончаемыми [5, с. 479].

В научной литературе по этническим конфликтам существуют любопытные традиции. Так, большинство американских исследователей очень часто интерпретируют этнические конфликты через понятие «расовый конфликт». Российские ученые пытаются, как правило, разводить термины «раса» и «этнос». Там, где отечественные исследователи используют понятия «раса», «государ-

ство», «этнос», французы употребляют термины «цвет», «нация», «культура» для описания одних и тех же явлений.

Очень большие споры характерны для современных ученых по поводу понятий «конфессиональные» и «этнические» конфликты. Согласно одной традиции (Германия, Россия), эти понятия необходимо жестко разделять, согласно другой (Великобритания, Австралия), «этническими» можно назвать конфликты между нациями и расами или между религиозными группами. Так, конфликт в Северной Ирландии между католиками и протестантами или конфликт в Боснии между православными сербами, сербами католического вероисповедания и сербами-мусульманами интерпретируют как «этнический», хотя все эти конфликты связаны с религиозной принадлежностью сторон.

Причины этнических конфликтов ошибочно стараются свести к экономическим факторам: к разнице в доходах, занятиях, общем уровне жизни и т. д. или к языковым, религиозным и культурным различиям. Сравнительный подход к изучению этнических конфликтов позволяет убедительно доказывать, что они часто возникают и в отсутствие языковых, расовых и религиозных различий. Что касается экономических факторов, то и здесь аналитики оказались обманутыми тем фактом, что очевидные экономические диспропорции являются почти универсальными сопутствующими обстоятельствами этнических споров [4, с. 146].

Случаи этнической дискриминации в рамках какого-либо государства действительно имеют место, но не они главная причина этнических конфликтов. Различия в уровнях экономического развития часто объясняются различиями в географическом положении территорий, заселенных той или иной этнической группой, наличием или отсутствием полезных ископаемых и т. д., а также законом неравномерного регионального экономического развития. Кроме того, нередко случаи, когда государство во избежание этнических трений проводит протекционистскую экономическую политику в отношении этнических меньшинств. Однако это не обязательно ослабляет национальные трения, примером чего может служить бывшая Югославия, где уровень жизни хорватов и словенцев был выше уровня жизни доминирующей нации сербов.

Главная причина всех этнических конфликтов находится на эмоциональном уровне: в чувстве родства, которое испытывают представители одной этнической группы по отношению друг к другу, и чувстве своей отличности от всех остальных. Роль государства в управлении полиэтничным обществом остается достаточно высокой, несмотря на все изменения, связанные с глобализацией. Много зависит и от того, какое конкретное правительство находится у власти. В некоторых сферах общественной жизни (коммуникации, транспорт, здравоохранение, охрана окружающей среды) роль государства даже возрастает. При этом вопрос о том, что государство должно быть вовлечено в управление этническими процессами, сам по себе является дискуссионным. Доводы «за» обычно таковы: этнические группы действуют как публичные образования; существуют и другие сферы общественной жизни, в которые государство вмешивается. Доводы «против» сводятся к следующему: сфера этнического – это всегда внутреннее, личное дело человека; этничность не является политическим феноменом.

В любом случае очевидно, что этнические группы могут угрожать государству или поддерживать его. Тем самым этносы становятся политическими акторами. Следовательно, у государства нет возможности как-то регулировать этничность. При этом необходимо отметить, что даже централизованные страны в последнее время дают автономию этническим группам (например, бретонцам во Франции). В то же самое время современному миру известны и три формы уничтожения этничности: во-первых, это геноцид, во-вторых, депортация, в-третьих, ассимиляция. Управление этничностью также предполагает различные формы: контроль, создание федерации, образование автономии и т. п.

В политической науке принято считать, что спектр политик государства в сфере этничности сводится к следующему [6, с. 281]: подавление: геноцид, апартеид, жесткий контроль (этнические группы – враги); ассимилирование (территориальная близость – фактор ассимиляции); игнорирование (пренебрежение к проблемам этничности); приспособление (уступки этничности); продвижение (продвижение этничности).

Управление этническими конфликтами в современном обществе

Не существует ясной и универсальной стратегии по предотвращению или разрешению этнических конфликтов. Очень многое зависит от конкретной ситуации, местных условий и т. п. Безусловно, ошибочными для полиэтничного государства являются следующие варианты стратегии:

– доминирующая этническая группа попросту игнорирует существование других этнических групп, резервирует доступ к власти и привилегиям за своей этнической группой и старается утвердить свою этническую исключительность и монополию на власть;

– доминирующая этническая группа, запуганная существованием других этнических групп, выбирает политику насильственной ассимиляции, вначале провозглашая свое этническое самосознание общенациональным, а затем насаждая его среди других этнических групп;

– доминирующая этническая группа, а иногда и надэтническая общегосударственная элита отрицают этническое деление и пытаются заменить этническое самосознание новым самосознанием нации-государства;

– доминирующая этническая группа или государственная элита управляет государством, внося раскол в противостоящие им этнические группы.

Для успешного решения этнических проблем политическая система не должна игнорировать существование этнических групп, но она также не должна позволять им запугивать себя. Вместо того чтобы отрицать или пытаться использовать в своих целях этнические различия, она должна признать их и научиться согласовывать. Существуют три возможные стратегии, позволяющие достичь этнического мира [7, с. 128]. Их можно использовать как в сочетании друг с другом, так и порознь, однако для успешного их применения необходимо наличие хотя бы некоторого уровня гражданской морали, доверия, решимости, человечности и предвидения.

Это стратегии:

– «консоциации», или включения этнических групп в политическую и административную структуру государства;

– «синкретизма», или культурной репрезентации этнического многообразия, сопровождаемой деполитизацией этнических групп;

– «федерализации», или децентрализации, то есть предоставления той или иной доли автономии региональным единицам, что на деле часто означает предоставление автономии этническим группам [7, с. 128].

Первая стратегия признает существование этнических групп и согласовывает их интересы путем трансформирования репрезентативных и административных институтов государства в микрокосмос этнического общества, где этнические группы имеют пропорциональные своей численности или даже равные представительство и права, иногда вплоть до права вето для каждой этнической группы [7, с. 128].

Вторая стратегия признает этнические группы, но не занимается согласованием их интересов. Культура каждой этнической группы провозглашается частью общегосударственной культуры. Каждая из этих частей считается одинаково важной, одинаково ценится и пропагандируется, но при этом этническим группам не предоставляется никакой политической или этнической независимости. Они добровольно входят в состав новой синкретической нации-государства [7, с. 128].

Третья стратегия открыто не признает этнические группы и не пытается согласовать их интересы напрямую. Но так как территориальные единицы, по сути, являются местами проживания той или иной этнической группы, она может в значительной мере способствовать согласованию интересов, интеграции и притуплению обостренных этнических чувств. Децентрализация может быть использована для стирания этнических границ и создания новых сфер интересов, объединений и даже новых образцов самосознания [7, с. 128].

Этническим группам, распыленным по территории государства, должна предоставляться культурная автономия, право иметь собственные школы, развивать свой собственный язык и традиции и в некоторых случаях даже иметь собственные гражданские законы.

Применение любой стратегии достижения этнического мира требует, по крайней мере, наличия демократического общественного устройства. Хотя различным недемократическим режимам иногда удавалось демонстрировать способность предотвращать или контролировать этнические конфликты, в долгосрочной перспективе им не удавалось преодолеть настойчивость этнических групп и их членов [7, с. 128].

Демократизация и конфликты

Демократизация и конфликты связаны между собой. Причем в этой взаимосвязи обнаруживается противоречие: с одной стороны, демократизация обеспечивает переход к плюралистическим режимам, которые создают институциональные механизмы по управлению конфликтами, а с другой стороны, демократизация может способствовать появлению конфликтов различного рода, которые способствуют замедлению или прекращению демократического транзита, переходу к авторитарным политическим практикам.

Позитивным фактором является то, что не межэтническая ненависть и национальные предрассудки подрывают больше всего демократические процес-

сы. Большинство этнических вооруженных конфликтов произошло не из-за застарелой межкультурной ненависти. Например, сербы и хорваты не вступали в военное противоборство между собой до XX века, когда нацисты установили в Загребе карательный режим. В других случаях некоторым противостояниям между этническими и культурными группами предшествовали длительные дружеские отношения, поэтому культурные различия не могут быть достаточным объяснением насильственных конфликтов. Государства, вовлеченные в круговорот социальных и политических изменений в процессе перехода к плюрализму, были скорее склонны участвовать в войнах и даже развязывать их с большой охотой, чем страны с неизменным режимом правления.

Несмотря на то что иногда демократизация может обернуться для государства вовлечением в войну, исторический опыт показывает, что три из четырех стран переходного периода избежали развязывания войны с начала демократических преобразований. Более того, как только демократия утверждается в какой-либо стране, она любой ценой старается не ввязываться в войну. В государствах, в которых на протяжении 90-х годов XX века плюралистический режим окончательно консолидировался, было отмечено более уважительное отношение к правам этнических и религиозных меньшинств, а конфликты были редкостью. Особую роль в урегулировании конфликтов в период перехода к демократизации играют национальные элиты. Они вовлечены в процесс формирования политических взглядов всего общества, что накладывает на них очень большую ответственность.

Проблема непризнанных государственных образований в регионе Центральной и Восточной Европы

Этнические вооруженные конфликты в странах Центральной и Восточной Европы очень часто характеризуются отсутствием урегулирования (в смысле наличия политического решения) [8–10]. Как правило, они находятся в стадии консервации (так называемые «замороженные конфликты»). Хрупкий мир поддерживается обычно трехсторонними вооруженными формированиями, одной из этих сторон являются российские военнослужащие или военнослужащие других стран СНГ. Усилия многочисленных посредников не могут привести к нахождению политических решений, которые бы вывели противостояния из патовой ситуации. Необходимо учитывать, что этнические вооруженные конфликты – это лишь незначительная часть всех этнических столкновений и противоречий на территории новых независимых государств.

В 2006–2007 годах мы являемся свидетелями «размораживания» целого ряда этнических вооруженных конфликтов в странах Центрально-Восточной Европы и масштабной геополитической игры вокруг непризнанных государственных образований, чье появление является прямым следствием политически неурегулированных противоборств. Связано это с предполагаемым решением проблемы Косово [11].

Западные страны считают, что Косово не может быть прецедентом для других непризнанных государственных образований, так как в этих случаях существует совершенно иная ситуация и метрополии никогда не согласятся с самостоятельным статусом непризнанных государственных образований. Серб-

ская элита в своем большинстве (по расчетам западных аналитиков) настроена на то, чтобы обменять Косово на реальные возможности европейской интеграции. Россия придерживается полностью противоположной точки зрения. Ее официальные представители настаивают на идентичности «случая Косово» с ситуациями в Абхазии, Приднестровье, Южной Осетии. Две последних территории в 2006 году провели референдумы о независимости, которые не были признаны международным сообществом. В прошлом году на референдуме была принята и Конституция Нагорного Карабаха (НКР). При этом в данном случае о «косовском прецеденте» говорится меньше всего.

Предварительное решение по статусу Косово пытается принять так называемая контактная группа, включающая в свой состав Великобританию, Францию, Италию, Германию, США и Россию, окончательное же решение примет Совет Безопасности ООН. Позиции сторон известны: западные страны настаивают на «ограниченном суверенитете» Косово и вывода его из состояния зависимости от Сербии, Россия обещает поддержать позицию сербского правительства, которое формируется после выборов. В случае несогласия сербов с отделением Косово Россия обещает наложить вето на это решение при голосовании в Совете Безопасности ООН.

На мой взгляд, универсализм в решении проблемы непризнанных государственных образований достаточно опасен. Понятно, что Россия не сможет обменять самостоятельность Косово на самостоятельность Абхазии, Приднестровья и Южной Осетии. Такое решение не поддержат страны Европейского Союза и США. Вряд ли возможно говорить однозначно, что именно в этом и состоит национальный интерес России. Скорее всего, партнеры России по «клубу великих держав» предложат ей в обмен на поддержку самостоятельности Косово что-то вроде «беспрепятственного вступления в ВТО», «новые партнерские отношения с Европейским Союзом» и т. п.

Однако геополитический торг в решении проблемы непризнанных государственных образований имеет свои пределы. Если развитие Косово под патронажем Европейского Союза и США можно достаточно четко себе представить, то перспективы внутренней нестабильности в Сербии не могут четко прогнозироваться, поскольку травма от «потери Косово и Метохии» может перечеркнуть процесс достаточно быстрой евроинтеграции. Непризнанным государственным образованиям постсоветского пространства в случае получения ими независимости вместе с оставшимися метрополиями объективно некуда интегрироваться, противоречивая и кризисная структура СНГ для этого абсолютно не подходит. Геополитические размены великих держав могут негативным образом сказаться на судьбах целых народов.

Получение независимости непризнанными государственными образованиями может подтолкнуть целый ряд территорий в странах Центральной и Восточной Европы к идее самостоятельной государственности. Речь идет, прежде всего, о Чечне, Крыме, сербской общине в Боснии, словаках в Венгрии, албанцах в Черногории, могут стать актуальными идеи «великой Албании» и «независимого Татарстана», распад Северного Кавказа на ряд независимых территорий и т. п. В результате мы можем получить новую совокупность этнических

вооруженных конфликтов и неконтролируемый процесс образования новых непризнанных государственных образований.

Выход видится в использовании объективных результатов глобализации, которые давно привели к девальвации государственного суверенитета, а именно: в применении многообразных принципов федерализма и практик ограниченного суверенитета, ассоциированности и федератизма, одновременное включение спорных территорий и их метрополий в демократические наднациональные государственные образования, союзы, международные организации.

В заключение необходимо отметить, что в современной российской политологии и конфликтологии этнический национализм часто рассматривается как результат намеренного «конструирования» [12]. Поэтому этнические вооруженные конфликты, обострившиеся после крушения коммунизма в странах Центральной и Восточной Европы, считаются не закономерным результатом исторического процесса национального самоопределения, а исключительно результатом манипулирования массами со стороны нечистоплотных политиков и иностранных государств. Различные варианты «теории заговора» все больше овладевают умами отечественных ученых и экспертов. Между тем зачастую отрицание исторической закономерности возникновения этнического национализма ведет к этническому нигилизму и представлению о том, что рыночная экономика, демократизация, огосударствление, советизация устранят межэтническую напряженность и этнические конфликты. Но это далеко не так.

Summary

A.G. Bolshakov. Ethnical conflicts in post-communistic time: nationalistic practices and possibility of their scientific conceptualisation.

Article is devoted to reasons of popularity of nationalism in post-communistic countries. Ethnical armed conflicts are derivative of sudden splash of ethnical nationalism in European countries. Civil nationalism is understood as positive phenomenon, but it is common mainly for European old democracies and less in post-communistic states. Author is interested in “frozen conflicts” in European countries and connected problem of unacknowledged political state formation. Article deals with main approaches, strategics, and models of theoretical comprehension of ethnical conflicts in contemporary political studies.

Литература

1. *Ракель М., Симан Л.* Политика добрососедства Европейского Союза в отношении стран Южного Кавказа: поиск общего в неоднозначных сценариях развития // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 4 (57). – С. 136–144.
2. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь / Пер. с англ.; под ред. С.А. Ерофеева. – М.: Экономика, 2004. – 620 с.
3. *Саква Р.* Сравнительный анализ изменений политических режимов стран постсоветской Евразии // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 4 (57). – С. 117–127.
4. *Connor W.* Ethnonationalism: The quest for understanding. – Princeton (N.J.), 1994. – 234 p.
5. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

6. Nationalism, Identity and Minority Rights / Ed. by S. May. – University of Waikato (N. Z.), 2004. – 577 p.
7. Rosel J. Ethnic Rationalism and Ethnic Conflict // Internationale Politik und Gesellschaft. – 1995. – Н. 2. – S. 117–130.
8. Кавтарадзе С.Д. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. – М.: Экзамен, 2005. – 224 с.
9. Жирнов О.А., Ивлева Т.В. Косовский кризис и его последствия для мирового сообщества: Научно-аналитический обзор. – М.: Ин-т научной информ. по обществ. наукам (ИНИОН РАН), 2002. – 86 с.
10. Большаков А.Г. Этнические вооруженные конфликты в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: практики институционализации и урегулирования // Sic transit... Опыт власти посткоммунизма: Науч. докл. / Под ред. В.С. Мирзеханова. – Саратов: Научн. книга, 2006. – С. 194–222.
11. Тренин Д. Казус Косово // Pro et Contra. – 2006. – № 5–6 (34). – С. 6–21.
12. Блищенко В.И., Солнцева М.М. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: Изд. дом «Городец», 2005. – 496 с.

Поступила в редакцию
25.01.07

Большаков Андрей Георгиевич – кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры политологии Казанского государственного университета.
E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru